

с. 4-5. Театръ и музыка.

„Чайка“, драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ Антона Чехова („Художественно-общедоступный“ театр; спектакль 17-го декабря).

Г. Чеховъ обладаетъ въ большой степени способностью заражать читателя или зрителя своимъ настроеніемъ. Эта способность проявляется и въ мелкихъ рассказахъ, изображающихъ незначительные уголки жизни, и въ описаніяхъ природы, какъ „Степь“, и въ драматическихъ произведеніяхъ. Особенно сильно выступаетъ она въ „Чайкѣ“. Здѣсь ранѣе, чѣмъ зритель успѣваетъ ознакомиться съ дѣйствующими лицами, ранѣе, чѣмъ обстоятельства принимаютъ драматическій оборотъ, уже атмосфера тягостнаго безпокойства и приподнятой нервозности царитъ на сценѣ и передается зрителю. Въ мысляхъ, излагаемыхъ дѣйствующими лицами, нѣтъ ничего настраивающаго на особенно мрачный ладъ, но способъ выраженій и внѣшнія особенности ихъ поведенія уже поселяютъ въ зрителѣ тягостное предчувствіе какой-то бѣды. Нѣчто подобное ви-

злектризуется до такой степени, что зритель теряетъ критерій для оптики нравственной стороны дѣйствующихъ лицъ и приходитъ къ одному выводу о жизни какъ о чемъ-то больномъ, жестокомъ, уныломъ, вѣдломъ и вѣнужномъ. Какое бы дѣйствующее лицо мы ни взяли, оно представляется намъ прежде всего съ своей болѣзненной стороны, заслоняющей или по крайней мѣрѣ заставляющей отступать на второй планъ другія свойства. Вотъ Тригоринъ—зпаветный писатель, произведенія котораго читаются и почитаются многочисленной публикой. Полная жизненная апатія, утрата въ безсмысленности своего дѣла, безволие и, какъ слѣдствіе подавленнаго душевнаго состоянія, отсутствіе нравственнаго нѣтрла своихъ поступковъ,—такова его физиономія. Для крайнихъ выраженій этой болѣзни существуетъ даже специальный медицинскій терминъ—„абулія“. Вотъ дочь управляющаго нѣтленъ—необразованная дѣвушка, воспитанная въ деревнѣ, которая (какъ принято думать) могла бы слѣдовать ее здоровой и уравновѣшенной; пьеса застаетъ эту дѣвушку уже въ моментъ безнадежной любви къ молодому человеку, влюбленному въ другую, въ моментъ психической неурядицы, выражающейся нѣкоторыми внѣшними признаками, въ родѣ пьянства, рѣзкихъ

выходокъ и т. п. Вотъ бывший судейскій чиновникъ, дослужившійся до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, но не сохранившій никакихъ слѣдовъ прежняго званія: они стерты тяжелой болѣзнью, выражающейся въ припадкахъ головокруженія, общей физической слабости, полудѣтскаго состоянія и т. п. Наконецъ, вотъ четвертый субъектъ, молодой человекъ, начинающій пописывать рассказы, театральныя произведенія, повѣсти; это—полный дегенератъ съ совершенно расшатанной нервной системой, съ припадками истеріи, съ импульсивными актами, „аффектами“ и прочими атрибутами вырождающагося субъекта. Въ этой обстановкѣ болѣзненности, безволія, неумѣнія управлять своими поступками и почти полной безответственности происходитъ дѣйствіе. Какъ бы ни складывались внѣшнія обстоятельства, не расхвѣять атмосферу раздражительности, нервозности, готовыхъ разразиться припадковъ они не могутъ. И вотъ причина, почему ранѣе какихъ бы то ни было драматическихъ событій зрителю передается особенная нервозность, заставляющая его относиться къ каждому обычному явленію какъ къ чему-то необыкновенно тягостному и грозящему бѣдой. Превосходная постановка на сценѣ „Художественно-общедоступнаго“ театра, вѣрный тонъ, вполне соответствующій тону настроенію, которое должно получаться отъ пьесы, и до конца выдержанный артистами,—еще болѣе способствуютъ тяже-

дливъ мы въ пьесахъ Меттерлинка, ставящихъ своей главной цѣлью возбужденіе въ зрителяхъ костеренно нарастающаго безпокойства. „L'intruse“, впритиръ, состоитъ изъ разговоровъ нѣсколькихъ лицъ, собравшихся въ комнатѣ рядомъ со свальной опасно больного. Дѣйствующія лица бесѣдуютъ о постороннихъ предметахъ, но они нервы, они безпокойно настроены, они слышатъ чѣмъ-то шаги подъ окномъ, чью-то поступь на лѣстницѣ; имъ кажется, что отворилась входная дверь, чувствуется какое-то дуновение, чье-то страшное приближеніе, раздается звукъ отпавшей косы, и когда общее возбужденіе достигаетъ послѣднихъ предѣловъ, тогда изъ комнаты больной раздается подавленный стонъ, который поясняетъ присутствующимъ, что въ домъ вошла смерть. „Чайка“ нѣтъ фабулу, выводитъ различные характеры, знакомитъ съ лицами разнаго круга и разнаго направленія (о чемъ „L'intruse“ и не думаетъ), но все это въ значительной степени ступеневывается необыкновенно тягостнымъ и безпокойнымъ настроеніемъ. Атмосфера болѣзненности, расшатанныхъ нервовъ, истерическихъ припадковъ на-

В

тому впечатлѣнію, выносивому зрителемъ. „Чайка“—во всякомъ случаѣ сильная вещь (сильная въ особенности со сцены и при томъ исполненіи, какое мы видѣли въ „Художественно-общедоступномъ“ театрѣ); она принадлежитъ къ тому роду произведеній, которыя относятся французамъ къ разряду *pièces suggestives*, но тяжелого впечатлѣнія на зрителей она достигаетъ не анализомъ отношеній между людьми, а констатированіемъ болѣзненного состоянія каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Мать ведетъ себя эгоистично по отношенію къ сыну, но зритель поражается не этимъ извѣстнымъ отношеніемъ, а той болѣзненной реакціей, которая происходитъ въ ней при каждомъ соприкосновеніи съ вѣтшимъ міромъ в которой вполне напоминаетъ болѣзненную раздражительность случайно обожженныхъ частей тѣла. Тригоринъ совершаетъ поступокъ, достойный негоды, во опять-таки не его отношеніе къ болѣзненной дѣвѣ выступаетъ на первый планъ, а безволие, неудовлетворенность собственной дѣятельностью, патологическая сторона его характера. Жизнь представляется чѣмъ-то въ родѣ плохо устроеннаго пріюта для неврасстениковъ и вырождающихся субъектовъ, гдѣ роль надзирателей играютъ незначительное число уравновѣшенныхъ, во эгоистичныхъ, суевѣрныхъ и живущихъ въ свое удовольствіе людей. При такой постановкѣ вопроса нравственная сторона человѣческихъ отношеній уже не оценивается, и какими бы негодными поступками ни отличалась жизнь дѣйствующихъ лицъ, впечатлѣніе производится не ими, а, такъ сказать, индивидуальной патологіей каждаго отдѣльнаго субъекта: въ пріютѣ для психопатовъ и неврасстениковъ поражаютъ прежде всего не распредѣленіе часовъ и занятій, а ненормальный видъ пансіонеровъ. Въ пьесѣ много говорится о новыхъ формахъ искусства, во, несмотря на весь талантъ автора, несмотря на замѣчательную способность заражать зрителя своимъ настроеніемъ, въ самой формѣ мы не видимъ новизны, какъ не видимъ ее у Меттерлиника, какъ не видимъ ни у одного изъ тѣхъ писателей, которые достигаютъ эффектовъ внушеніемъ зрителю болѣзненного страха и неопредѣленнаго безпокойства. Это—старинный романтический пріемъ съ меньшимъ можетъ быть сохраненіемъ вѣнней таинственности, чѣмъ въ пьесахъ и романахъ далекаго прошлаго. Что касается до изображенія патологическихъ субъектовъ, то этотъ пріемъ имѣетъ очень большую цѣльность для полученія желательныхъ впечатлѣній у зрителя; но если эта патологія не связана съ причинами общаго характера, то, кромѣ разбитости и подавленнаго состоянія, зритель не выноситъ ничего. Для тѣхъ, кто при чтеніи „Чайки“ могъ

бы еще усомниться въ томъ, что типичныя черты отдѣльныхъ лицъ исчезаютъ за общей нервозностью и безпокойствомъ, мы предлагаемъ посмотреть превосходное исполненіе пьесы въ „Художественно-общедоступномъ“ театрѣ. Вотъ, напр., Тригоринъ. Такъ, какъ онъ изображается г. Станиславскимъ, онъ лишенъ тѣхъ свойствъ, которыя позволили бы считать его за челоѣка, значительно возвышающагося надъ средой. Быть можетъ для того, чтобы зрители видѣли передъ собой знаменитаго писателя, ему надо было бы придать больше духовной силы, но тогда пришлось бы убавить въ немъ его болѣзненные черты—апатію, усталое слѣдованіе жизненному потоку, волевой пидіотизмъ, если такъ можно выразиться. Уменьшеніе этихъ свойствъ сейчасъ же отразилось бы на измѣненіи общаго тона, и „заразительное“ вліяніе пьесы несомнѣнно значительно уменьшилось бы. Для сохраненія цѣльности тона, Тригорина именно надо было сдѣлать таинственнѣе, какими мы его видѣли на сценѣ „Художественно-общедоступнаго“ театра, т. е. совершенно безвольнымъ, простоватымъ, тупымъ, однообразно—унылымъ ноту въ унисонъ со всѣмъ окружающимъ и совершенно неинтереснымъ вѣмъ общаго болѣзненнаго хора. Такова общая участь отдѣльныхъ лицъ въ названной пьесѣ. Намъ остается только повторить наши похвалы по адресу исполнителей. Г-жа Книпперъ, г. Мейерхольдъ, исполнившіе главные роли, такъ же, какъ остальные артисты, соединили всѣ усилія для того, чтобы настроеніе, проникающее пьесу, цѣлкомъ охватило зрителя. Какъ мы указали уже, для сохраненія цѣльности впечатлѣнія пришлось даже прибѣгнуть къ пассиву надъ индивидуальными чертами нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ. Режиссерская часть была выше похвалъ.

И—т.

< И. Н. Игнатов >